

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.049

УДК 94(47)“1917” + 378.662(470.23-25) +
+ 378.115.15 + 930.25**Ю. А. Русина***Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 г. В «САМИЗДАТЕ» ПЕТРОГРАДСКИХ СТУДЕНТОВ*

Статья вводит в научную практику неизученный ранее исторический источник: самодеятельный журнал студентов Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I, выпускавшийся в 1917–1918 гг. Информационное богатство этого периодического издания и, как следствие, его исследовательский потенциал определяются временем и местом появления источника, а также осведомленностью его авторов. В журнале отражен поколенческий взгляд на события Февральской и Октябрьской революций, динамика в настроениях и ожиданиях молодых людей, оказавшихся в центре глобальных исторических сдвигов. Скрупулезный содержательный анализ 12 журнальных выпусков позволил увидеть ломку дореволюционной образовательной системы, а также зачатки новых социальных ценностных ориентиров, приведших к появлению пресловутой мифологизации в образе *homo soveticus*. С другой стороны, периодическое издание, организованное студентами, оказавшимися на волне двух революций, демонстрирует социокультурный и эмоционально-психологический облик поколения, чье личностное становление происходило в эпоху гибели одной империи и зарождения другой, поколения, «ушедшего» со сцены советской истории. Термин «самиздат» применительно к журналу «Топор и якорь» используется условно, в связи с чем закавычен в заглавии. В данном случае признаки, определяющие самиздат — нелегальность, неподцензурность, — отсутствуют. Напротив, журнал был принят и одобрен руководством вуза и всячески им поддерживался, в том числе и в финансовом плане. «Топор и якорь» скорее относится к самодеятельной периодике, а самиздатность определяется лишь инициативой и добровольными усилиями его создателей.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г.; Октябрьская революция 1917 г.; студенческая самодеятельная периодика; Петроградский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I; исторический источник.

Два месяца прошло с момента рождения Русской Свободы. Два месяца тяжелого творческого труда и беспримерной организационной работы. В этой работе есть и наша доля. Два месяца тому назад мы всем институтом шли к Государственной Думе — отдать наши силы в ее распоряжение. На улицах нас встречала ружейная трескотня, дробь пулеметов и зарева пожаров. <...> Ныне в молниеносном беге событий и времени эти дни вспомнятся как далекие, подернутые завесой забвения осколки

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

© Русина Ю. А., 2017

Истории. И наша первая и ближайшая цель — приподнять эту завесу и по мере сил и возможности осветить эту область, уже отошедшую в историю, и в частности ту роль, которую сыграло студенчество нашего института в те великие дни [Топор и якорь, № 1, 10 мая 1917 г., с. 1].

Этими словами открывается первый номер журнала студентов-путейцев «Топор и якорь». Выпуск журнала был организован учащимися Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I. В названии самостоятельного студенческого периодического издания были вербализованы знаки отличия института. Первый машинописный журнальный номер вышел 10 мая 1917 г. (см. рис. 1) на волне духовного подъема февральских революционных событий, последний, он же юбилейный, 12-й номер — в мае 1918 г.

Путейский вуз, занимавший одно из первых мест в системе российского образования, внес весомый вклад в развитие инженерного дела в стране, в подготовку специалистов по строительству железных и водных дорог, мостов и плотин. Корпус и институт Корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге были созданы в 1810 г. с целью «снабдить Россию инженерами», так как понимание, что «бездорожье — одно из главнейших бедствий России, которую гнетут ее огромные расстояния» [цит. по: Смык, с. 4], присутствовало в просвещенных умах и на рубеже XVIII–XIX вв. Это был первый подобный вуз в стране. Профессия инженера являлась престижной, хорошо оплачиваемой и имела высокий социальный статус. К концу XIX в. инженерное сообщество существовало как особая социальная группа, выделяющаяся высоким уровнем образования, широкой эрудицией, творческим подходом к решению технических

Рис. 1. Обложка 1-го выпуска журнала «Топор и якорь», 10 мая 1917 г.

проблем, математической логикой мышления [Смык, с. 5]. Без преувеличения можно утверждать, что именно благодаря русским инженерам в XIX в. была создана структура путей сообщения, включавшая водные системы, железные и шоссейные дороги. С 1825 по 1861 г. было проложено около 9 тыс. км шоссе, например, такие дороги как: Петербург — Москва, Москва — Нижний Новгород, Москва — Смоленск, Петербург — Рига [Там же].

В 1865 г., когда создавалось Министерство путей сообщения, Институт был преобразован в открытое высшее учебное заведение с пятилетним сроком обучения, где создано семь специальных кафедр по железнодорожному, водному и шоссейному транспорту. Согласно положениям вуза, в нем могли обучаться представители всех сословий с шестнадцатилетнего возраста, выдержав вступительные экзамены. Студентам устанавливалась стипендия. Слушателю, получившему на выпускном экзамене окончательную оценку, равную четырем баллам, выдавался диплом на звание гражданского инженера. Интересно, что на протяжении своей дореволюционной истории состав работников и студенчества Путьейского института был сугубо мужским: даже на такой должности, как секретарь-машинистка, работали мужчины [Там же, с. 6].

В 1913 г. Московский и Санкт-Петербургский институты инженеров путей сообщения являлись единственными в России высшими учебными заведениями по подготовке специалистов в области транспорта. Впоследствии на базе факультетов этих двух образовательных учреждений Российской империи происходило формирование отраслевых транспортных институтов СССР [Там же, с. 7].

Питомцы Санкт-Петербургского путьейского вуза нередко проявляли недюжинные таланты как в научной, так и во всякого рода творческих и экспериментальных областях.

Например, с 1908 г. в институте в течение десяти лет существовал кружок по изучению вопросов воздухоплавания. Увлечение авиацией, столь характерное для начала XX в., не могло миновать стен учебного заведения, где обучали премудростям организации транспортного дела. В 1907 г. группа студентов обратилась в Совет института с просьбой ввести факультативный курс воздухоплавания. В результате, за десять дней под ходатайством подписались более 300 учащихся. Просьба была удовлетворена: в следующем 1908 г. при институте организован кружок, а вскоре появился первый выпуск рукописного научного журнала «Аэромобиль», подготовленного на основе статей студентов. Деятельность кружка подробно рассмотрена в двух работах его создателя и руководителя, профессора института Н. А. Рынина. Огромный авторитет последнему принесли не только его глубокие научные познания, но также и практический опыт: профессор имел довольно редкое «тройное звание пилота» (на аэроплане, дирижабле и воздушном шаре). Именно Н. А. Рынин посоветовал кружковцам выпускать свой научный журнал. В результате вышло шесть его объемных томов [цит. по: Охочинский, с. 142–143].

Среди выпускников института можно встретить имена людей, оставивших след и в истории Урала. Так, Борис Александрович Бахметев (1880–1951),

окончивший Санкт-Петербургский путевый вуз в 1902 г., с 1917 по 1922 г. был послом Временного правительства России в США. После окончания института Б. А. Бахметев четыре года стажировался за границей — в Швейцарии и США. В Америке он принял участие в постройке канала Эри. По возвращении из-за границы будущий дипломат создал частную фирму по проектированию объектов гидроэнергостроения, которая в 1906 г. взялась за проектирование и постройку одной из первых ГЭС в России — на реке Большая Сатка (Южный Урал). Плотина и сейчас считается уникальным произведением технической мысли, так как ее тело выложено из природного камня на цементном растворе. Здесь же Бахметев спроектировал и построил ферросплавный завод — первое предприятие такого рода в нашей стране и в течение 20 лет остававшееся единственным. Местность, где расположены эти объекты, в 1995 г. решением ЮНЕСКО признана памятником истории техники и культуры международного значения. Позже Б. А. Бахметев стал профессором Колумбийского университета, собрал уникальную коллекцию документов и воспоминаний своих соотечественников за рубежом, названную сегодня его именем [Коренев, с. 107–109].

Другой значимый пример — творчество Евгения Евгеньевича Баумгартена (1867–1919). С 1900 г. он вел занятия по техническому рисунку в путевом вузе (см. рис. 2). Е. Баумгартену удалось победить в конкурсе проектов на создание павильона Каслинского чугунного литья для российского отдела Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Создатели чугунного кружева, известного всем уральцам (художник Е. Баумгартен, скульптор Мария Диллон и мастера-лепщики Каслинского чугунного завода), были награждены призом — хрустальным гран-при и большой золотой медалью (см. рис. 3). Преуспел художник и в малых формах. К столетнему юбилею института, в 1910 г., он создал эскизы памятной медали и жетона. Их изготовила на Монетном дворе скульптор Мария Диллон. Эти мемориальные награды в дни празднования столетия вуза были вручены тем, кто внес свою лепту в развитие инженерного дела в России [Там же, с. 110–111] (см. рис. 4).

Примечательным фактом является то, что в лоне технического вуза рождались и талантливые литераторы. Диплом инженера Санкт-Петербургского института путей сообщения получил писатель и путешественник Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), автор тетралогии «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Одна из глав его автобиографической повести «Студенты» полностью посвящена альма-матер писателя.

В этой связи органичным и естественным видится тот факт, что около половины содержания самодеятельного журнала «Топор и якорь» составляла художественно богатая, ярко эмоционально окрашенная литературная часть, которая свидетельствует о многих талантах студентов-путейцев. Встречаются здесь романтические заметки, напоминающие бунинскую прозу, чувствуется поколенческая связь с поэзией Серебряного века, влияние стилистики символизма. Одаренные художники в числе авторов журнала также не были редкостью.

Рис. 2. Предположительно, шарж-портрет Е. Баумгартена
[Топор и якорь, № 10, апрель 1918 г.]

Рис. 3. Павильон Каслинского завода
на Всемирной выставке в Париже, 1900 г.
(Е. Баумgarten — справа)

Рис. 4. Жетон к 100-летию юбилею
Петербургского института инженеров
путей сообщения Императора
Александра I (1910).
Художник Е. Баумgarten

Что же представлял собой «самиздатский» студенческий журнал образца 1917–1918 гг.? Страницы его передают социокультурный и эмоционально-психологический облик студенческой молодежи, получавшей образование «в дни войн и революций», чье личностное становление происходило в эпоху гибели одной империи и зарождения другой.

Журнал сразу был объявлен «беспартийным», в чем виделся залог «течения свободной отныне жизни нашей Родины». Через три месяца редакция журнала подтвердила верность такой аполитичной позиции:

За эти три месяца непрерывного ливня политики, политики всеобъемлющей и вездесущей — политики на газетных столбцах, политики в театрах, на улице, во дворце, в школе и церкви, домах и ночлежках; мы все смертельно от нее устали — и поэтому каждое живое слово, каждая строчка и страница, в которых не пестрят ни Советы Рабочих и Солдатских депутатов, ни Временное Правительство, где нет ни Стекловых, ни Милоковых, ни Скобелевых — вызывали к себе невольные симпатии [Топор и якорь, № 5, с. 2].

О тиражах и популярности «Топора и якоря» также можно узнать со страниц самого журнала:

Как уже известно, первый № нашего журнала, отпечатанный в количестве 100 экземпляров, разошелся в течение 3-х часов. <...> Второй номер, отпечатанный в литографии Управления железных дорог, в количестве уже 200 экземпляров, разошелся также в течение 3-х часов. Запись на второе издание № 1 дала уже свыше 100 человек, и номер уже сдан в литографию. Учитывая все возрастающий спрос — Издательский комитет постановил выпустить третий номер «Топора и якоря» в количестве уже 300 экземпляров [Там же, № 3, с. 12].

В юбилейном номере за май 1918 г., когда журналу исполнился год, были напечатаны поздравления от студентов и преподавателей, также отражающие уважение и высокую оценку этого студенческого издания.

Член бюро Союза Преподавателей института В. А. Косяков: «Топор и якорь» как студенческий журнал сильно способствовал еще большему сближению преподавателей со студентами <...>

Секретарь Союза Преподавателей Института И. И. Яромович: Искренне желаю молодому юбиляру стать большим и толстым журналом.

Председатель студенческой библиотеки Н. А. Шошин: Знание и культура — мощные и надежные двигатели жизни человечества вперед к лучшему будущему. Пусть же «Топор и якорь» ярким пламенем свободного слова все полней и шире освещает наш путь туда [Там же, № 12, с. 4–5].

Общая юбилейная статья называла журнал «одной из отдушин, через которую вырывается поток духовных исканий, юношеских грез и молодого юмора» [Там же, с. 19].

Интересно читать, как студенты, обремененные в это же время сдачей экзаменов, описывают в первом номере журнала февральские революционные дни:

Улицы в это время уже оглашались залпами и на главных артериях столицы были сосредоточены значительные массы войск и полиции, газеты перестали выходить и над городом царствовал всесильный страх. Трамвай стал. Извозчики не выезжали и даже пешеходное сообщение было сведено к минимуму расставленными всюду патрулями <...> 27-ое — понедельник — экзаменационный день и, несмотря на общее повышенное и напряженное состояние, состоялись почти все экзамены... под доносившуюся трескотню пулеметов, ружейных залпов и орудийных выстрелов... [Топор и якорь, № 1, с. 5].

В журнале было создано несколько постоянных рубрик, которые позволяют судить о студенческой жизни, взаимоотношениях с преподавателями, традициях института и восприятию быстро меняющихся дней 1917–1918 гг. Так, в разделах «Наши дела» и «Очередные темы» освещались студенческие собрания, сходки и прочая повседневность. Был открыт отдел «Хроники», куда помещались новости институтской жизни. Художественно и литературно одаренным студентам давалась возможность публиковать свои произведения в соответствующих журнальных рубриках. На юмористических страницах, называвшихся «Досуги лягушат», «неограниченная власть» была предоставлена «веселой остроумной шутке, легкому юмору и безобидному шаржу» и тем, кто «не утратил способность смеяться и видеть смешное в смешном» [Там же, с. 3].

История символики, связанной с зеленой лягушкой, достойна отдельного рассказа. Существует несколько предположений, почему изображение этого земноводного стало неофициальной эмблемой института. Одно из них, уходящее к истокам появления вуза, обращает внимание на то, что форменные мундиры первых студентов-путейцев имели ярко-зеленый воротник, а геодезическая практика часто проводилась в болотистых местах пригорода Санкт-Петербурга. Другое объяснение выбора такой эмблемы содержит свидетельства о том, что в период царствования Николая I орнамент, украшавший патент (диплом) инженера, включал изображение лягушки. Имеется и уточняющая это объяснение версия о собственноручном рисунке императора Николая Павловича на одном из выпускных документов [Воронин, Воронина].

Насколько близки эти предположения к истине, сказать трудно, однако известно, что в институте с самого его основания зеленая лягушка воспринималась как олицетворение сущности инженерной деятельности в области изысканий, проектирования и строительства сухопутных и водных путей сообщения. Зеленая лягушка на протяжении многих десятилетий являлась любимым символом института (см. рис. 5). В институте существовали неофициальные серебряные значки, которые могли носить инженеры и студенты. В верхней их части размещался вензель Александра I (А-1), увенчанный короной. Вензель опирался на небольшой щиток, на обратной стороне значка было помещено изображение лягушки. В верхней части значок имел цепочку — его можно было носить как брелок или прикреплять к пуговице. Этот анималистический взгляд нашел отражение в оформлении ежегодных празднований годовщины основания Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения. Зеленая лягушка

изображалась на всех объявлениях о балах по случаю празднования очередной годовщины. Балы в Институте инженеров путей сообщения по своей торжественности и популярности считались вторыми после балов Морского кадетского корпуса. Скульптурное изображение зеленой лягушки длиной около 60 см устанавливалось во время балов на специальном постаменте на площадке между первым и вторым этажами на лестнице главного входа. Во время балов и других институтских торжеств обязательно исполнялся путейский танец — «Лягушка» или, как еще его называли, «Червяк» [Воронин, Воронина]. Описание этого танца встречается в студенческом самодельном журнале «Топор и якорь», выходившем в революционные дни. Изображение лягушки было помещено и на упомянутый выше памятный жетон художника Евгения Баумгартена, выпущенный к 100-летию института в 1910 г. [Там же].

Рис. 5. Юмористический рисунок с изображением студента-путейца в образе лягушонка [Топор и якорь, № 12, май 1918 г.]

Материалы журнала «Топор и якорь» очень разнообразны: с одной стороны, почти половину его содержания занимают художественные тексты, созданные самими студентами, а также юмористические произведения «на злобу дня» и карикатура, с другой – они позволяют судить о развитии принципов автономии и демократии в управлении Институтом и его внутренней жизни. Например, из текста ясно, что довольно плотно взаимодействовали друг с другом Совет профессоров и Совет старост. Последний избирался студентами, отстаивал их интересы перед преподавательским составом и созывал по мере необходимости общие студенческие сходки.

Какие вопросы могли обсуждаться на сходках? Выборы в Совет старост, организация отпусков на летние каникулы, условия сдачи зачетов и книг в библиотеку накануне отпусков, организация работы библиотеки института, внутренняя жизнь общежития. В дни революционных событий у сходов появилась политическая окраска: «25 февраля 1917 г. на сходке, собранной для разрешения ряда академических вопросов... была послана приветственная телеграмма Государственной Думе как единой выразительнице воли народа» [Топор и якорь, № 1, с. 5].

Во втором семестре 1917 г., как сегодня говорят, осеннем, состоялись две институтские сходки. Темой первой из них было отношение студентов к произошедшим политическим событиям, второй – вопросы об эвакуации института и о занятиях на Рождество. На второй сходке было решено вопрос об эвакуации института передать компетенции Совета старост и не допустить закрытия института. Что касается рождественских каникул, то предлагалось отказаться от них в пользу экзаменов и консультаций. Студенческая сходка ходатайствовала об этом перед Советом преподавателей института [Там же, № 6, с. 11].

Журнал свидетельствует, как события осени 1917 г. заставили обратить внимание на политику аполитичное студенчество или аполитичную редколлегия студенческого журнала. Сходка 18 января 1918 г. была посвящена проблеме финансового положения института, где было высказано общее мнение, что непременным условием поддержания нормальной жизни института является «совместная работа Совета старост с Советом профессоров в сохранении единого фронта со всей интеллигенцией страны» [Там же, № 8, с. 15]. Докатившимся до студентов-путейцев «разгулом демократии», наверное, можно объяснить решение сходки, созданной Советом старост 23 апреля 1918 г., о том, что прием в институт будет производиться по конкурсным экзаменам, причем в экзаменационную комиссию войдут студенты [Там же, № 12, с. 14].

Кроме сходов собирались также студенческие митинги. Журнал повествует, по крайней мере, об одном из них:

30 мая 1917 г. в аудитории № 1 состоялся митинг, на котором произнесли... речи министр Франции Альбер Тома, чешский профессор Масарик и П. Н. Милюков. В журнале были воспроизведены автографы, сделанные на предложенном студентами листе ватмана видными участниками митинга. Этот лист ватмана предполагается

поместить под стекло и присоединить к историческим реликвиям Института [Топор и якорь, № 4, с. 17] (см. рис. 6).

Студенческая повседневность и напоминает, и отличается от жизни современного студента. Она полна как учебных, так и бытовых, досуговых сюжетов. Вот некоторые штрихи этой жизни.

Для того чтобы поселиться в общежитие, следовало «подать прошение о зачислении в кандидатский список». Все «кандидаты разбивались на 5 групп в соответствии с принятой 5-ти бальной оценкой нуждаемости» [Там же, № 3, с. 13]. Число лекционных часов в неделю составляло 36 [Там же, с. 14]. Студенты могли вносить свои предложения, касающиеся учебного процесса. Так, Предметная комиссия, куда входили старосты, рекомендовала Совету профессоров: «произвести общее сокращение числа экзаменов и зачетов, исключить из экзаменационных программ вопросы, требующие главным образом работы памяти» [Там же]. «Все желающие» получать стипендию «должны подать прошение на имя Инспектора Института, а затем дополнить его сведениями о материальном положении» [Там же, с. 15]. В первом семестре 1918 г., в связи со значительно усложнившимся финансовым положением института, плата за обучение повысилась с 50 до 100 руб. за полугодие. А «ввиду расстройств трамвайного движения» начало всех экзаменов было перенесено на 10 часов утра [Там же, № 7, с. 16].

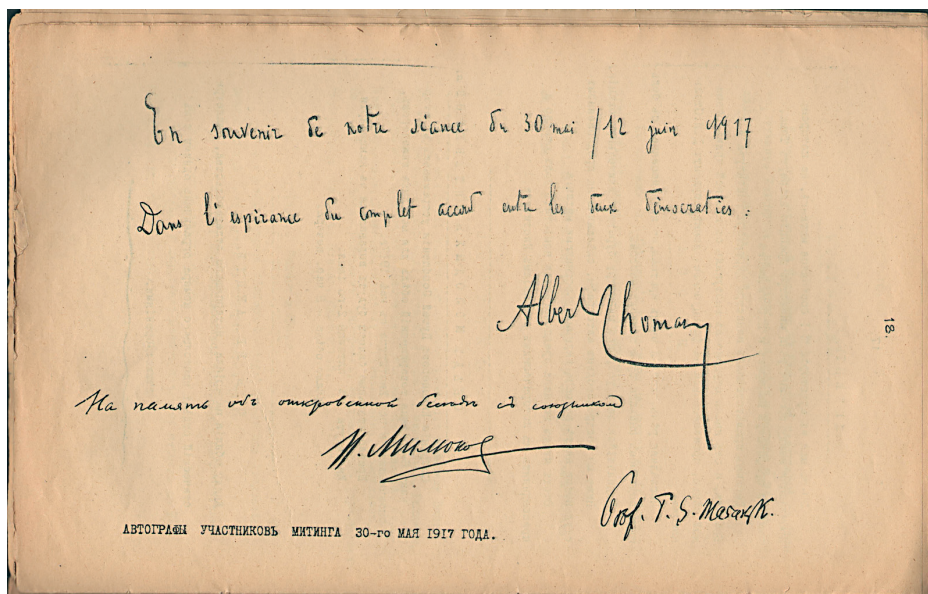

Рис. 6. Лист с автографами участников институтского митинга 30 мая 1917 г.
[Топор и якорь, 5 июня 1917 г.]

Символом единства и осознания своей причастности к альма-матер и единой корпорации были ежегодные товарищеские ужины в день годовщины института, 23 ноября, в залах ресторана «Аквариум». Однако, как с легкой грустью пишет журнал, «война перевернула все вверх дном. Россия стала вдруг трезвой и многие “Аквариумы”, рассыпанные по лицу ее земли, — принуждены были ликвидировать свои дела, закрылся и наш — Петроградский. Тогда... наши ужины мы, студенты, перенесли в столовую Николаевского Общежития, отчего эти ужины приобрели еще более уютный характер семейного творчества» [Топор и якорь, № 6, с. 5]. Но старые институтские традиции неизменно соблюдались: как прежде подписывали и дарили друг другу книжечки-меню, «качали» преподавателей, что называлось «полетами», исполняли традиционный путевский оригинальный танец «Червяк» или «Лягушка» (встав друг за другом, «в хвост», прыгали на одной ноге несколько кругов, в то время как другую, согнутую назад, ногу подхватывал товарищ, стоящий за спиной), организовывали «вокально-музыкально-танцевальное отделение, где... путейцы показывали себя и поэтами, и имитаторами, и танцорами, и певцами, и пианистами» [Там же, с. 7].

Дважды в журнальной подшивке встречается инициатива студентов отказать от каникул в пользу продолжения занятий. Взаимодействие с преподавателями института для решения этого вопроса брал на себя Совет старост.

Так, старосты V курса летом 1917 г. ратовали перед директором института профессором А. Брандтом «о пересмотре вопроса о летнем семестре». Студенты V курса предлагали организовать летние занятия «для желающих студентов, которые в этом случае отказываются от отпуска и остаются в Петрограде для продолжения занятий». Мотивировалось студенческое предложение тем, что «почти все профессора и преподаватели, руководящие дипломным проектированием, кроме Института заняты еще службой в различных государственных учреждениях и по условиям своей службы остаются на лето в Петрограде и, следовательно, фактически могут уделить Институту от 2 до 4 часов в неделю». Интересно, что доказать необходимость летнего семестра старосты V курса попытались при помощи организации опроса студентов и преподавателей, который выявил, что на лето в Петрограде остается 60 % студентов и 64 % преподавателей, осуществляющих руководство дипломным проектированием. Идейная сторона необходимости летнего семестра, по мнению студентов, была связанная с тяжелым положением, «в котором находится сейчас наша Родина». Общая студенческая сходка, состоявшаяся 20 мая 1917 г., поддержав инициативу пятикурсников, приняла резолюцию, в «которой признала летние занятия для студентов V курса не только “крайне желательными”, но и безусловно необходимыми» [Там же, № 4, с. 6–9].

Однако дирекция института не поддержала предложения студентов и поэтому пятый номер «Топора и якоря» за июнь 1917 г. на первой (титульной) странице напечатал следующее заявление старост V курса:

Студенты V курса доводят до сведения Совета профессоров, что, исчерпав все мирные и культурные пути к проведению в жизнь летнего семестра, настоятельно диктуемого жизненной необходимостью и практическим смыслом и не считая возможным становиться на путь анархии, они, высоко ставя автономию высшей школы, подчиняются решению Совета профессоров от 10 мая 1917 года, но слагают с себя нравственную ответственность за невозможность продолжать свою горячую работу [Топор и якорь, № 5, с. 1].

После Октябрьского переворота, когда институт был на грани закрытия и переживал нехватку денег, кризис преподавательских кадров, насаждение новых порядков, ломку привычных социальных норм и приоритетов, студенческая сходка предложила продолжать занятия на Рождество «без обычного перерыва на две недели». Это предложение также не было реализовано, но уже по вине самих студентов, не явившихся на заседание Совета профессоров [Там же, № 6, с. 11].

Следует обратить внимание, что самодетельный студенческий журнал, возникший на историческом перепутье как рефлексия на глобальные перемены в стране, как желание участвовать в них и запечатлеть переживаемые события в публицистическом и художественном слове, свидетельствует также об апатии, инертности и равнодушии к так называемым «общественным делам» довольно большей части студентов. Здесь нельзя, конечно, утверждать об аполитичности всего студенчества как социального слоя. Напротив, в воспоминаниях, опубликованных через десятилетия в эмиграции, говорится об активном участии студентов в революционных событиях февральских дней на улицах Петрограда и Киева [Россия 1917 года в эгодокументах, с. 19, 139].

«Топор и якорь» демонстрирует, как политические события осени 1917 г. настигают аполитичную редколлегию студенческого журнала.

Безымянный автор раздела «Очередные темы» номера «Топора и якоря» за март 1918 г. очень эмоционально высказывается о студенчестве, которое «в массе своими организациями, созданными годами, не интересуется и не дорожит» и «после непродолжительной вспышки энергии делается еще более вялым, инертным и мертвым». Он с горечью пишет о равнодушии тех, кто, поучаствовав в выборах Совета старост, придерживается тактики «выбрали — ну и работайте», не желая ходить на студенческие сходки и вынуждая тем самым Совет «идти ощупью, не зная мнения студентов». В студенческой заметке звучит понимание опасности переживаемого исторического момента:

Мы забываем, какая грозная туча висит сейчас над нами... что без нас, без нашего содействия... очень и очень мало шансов за то, что плодам нашего творчества суждено созреть. Ибо, если прикроют институт, все наши великолепные проекты... полетят ключьями на заветку тех самых селедок, которыми сейчас наводнен солдатский рынок столицы <...> Мы предпочитали корпеть над своими проектами, быть может, уже обреченными на бесславную гибель на лотках торгашей селедками, предпочитали глотать в буфете отдающий веником чай, слушать безграмотную и нудную галиматью

новоиспеченных социалистов на Съездах Викжелей и Викводов, но на сходки не шли [Топор и якорь, № 9, с. 2–4].

Заканчивается статья призывом участвовать в выборах нового Совета старост и своим голосованием подтвердить ценность и важность этой организации. Но «избавить свой Совет старост от лопнувшего по всем швам принципа партийности... избрать людей дела, а не политики», дань которой уже заплачена [Там же].

Возможно, политика, от которой стремились уйти будущие инженеры, наслаждаясь свободой, творчеством, своей причастностью к корпорации специалистов-путейцев, настигла их, причем в самой неожиданной и неприглядной форме. Уйти в свою раковину — это, наверное, была реакция многих представителей интеллигенции и образованного сословия. Но лишь некоторые из них отчетливо понимали, что, «промедление смерти подобно», о чем буквально прокричал и был услышан вождь другого лагеря.

Журнальные выпуски первых месяцев 1918 г. говорят о попытках институтского руководства и студенческого актива сохранить институт и не ломать учебный процесс, а также о безразлично-насмешливом принятии социальных перемен.

В рубриках «Наши дела», «Наша хроника», «Очередные темы» говорится о том, как изменилась институтская жизнь в 1918 г. Институт, как и другие вузы Петрограда, стал абсолютно «автономным учреждением», он не финансировался никакими министерствами, а средства на существование и продолжение учебного процесса изыскивались самой администрацией. Плата студентов за обучение была повышена в два раза, в то же время на 25 % понижена заработная плата («содержание») преподавателей, которую предполагалось в дальнейшем, по мнению «Топора и якоря», уменьшить на 75 %. И, несмотря на это, «преподавательский персонал... соглашается на подобных из ряда вон выходящих условиях работать» [Там же, № 7, с. 11]. Многие студенты (по свидетельству журнала, до 80 %) покинули вуз, остальные одновременно учились и работали «в различных конторах» [Там же, № 8, с. 2–3]. При Совете профессоров была учреждена особая комиссия по сокращению штата института [Там же, с. 9]. В феврале 1918 г. профессор А. Брандт сложил с себя полномочия директора института после заседания Совета профессоров, на котором большинством голосов было принято решение обратиться с просьбой о финансировании деятельности института в Наркомат путей сообщения [Там же, с. 10].

Но, несмотря на переживаемые трудности и остроту их восприятия, студенческий самостоятельный журнал сохранил все творческие рубрики (поэзию, прозу, публицистику и юмор), занимавшие по-прежнему около половины его содержания. Кроме того, в начале 1918 г. вышел первый и единственный номер литературного альманаха «Зеленая лягушка», также подготовленного студентами института (см. рис. 7).

В первом номере за 1918 г. напечатан «Маленький фельетон», написанный от мужского лица, но подписанный — «Блондинка». Тема его, на самом деле,

самая серьезная: о переменах, возвысивших сторожей, дворников, коридорных над преподавателями и «профессорами-буржуями». Действительно, как отмечалось в деловых разделах журнала, ситуация с расходами на деятельность института была такова, что наибольшая их часть приходилась на оплату жалования низшим служащим, количество которых журнал оценивал, как «огромное», а качество «совершенно бесполезное», лишь обременяющее бюджет. При этом, в условиях новой власти «уменьшение этого штата не представлялось возможным». Автор фельетона саркастически замечает:

По-видимому, сторожам показалось ниже их достоинства получать жалование, всего в два раза превосходящее директорское. <...> Отдается приказ — урезать, что можно, с преподавателей-буржуев. Ну разве же не буржуи: получают в месяц по 25 рублей — и еще неисправно ходят — отговариваясь какими-то побочными заработками. Бесятся с жиру! <...> В целях демократизации преподавательского состава поручить: курс геодезии — сторожу Ляховичу... богословия — столовщику общежития Филимону Осипову и политической экономии — коридорному того же общежития Андрею Матвееву [Топор и якорь, № 7, с. 8–11].

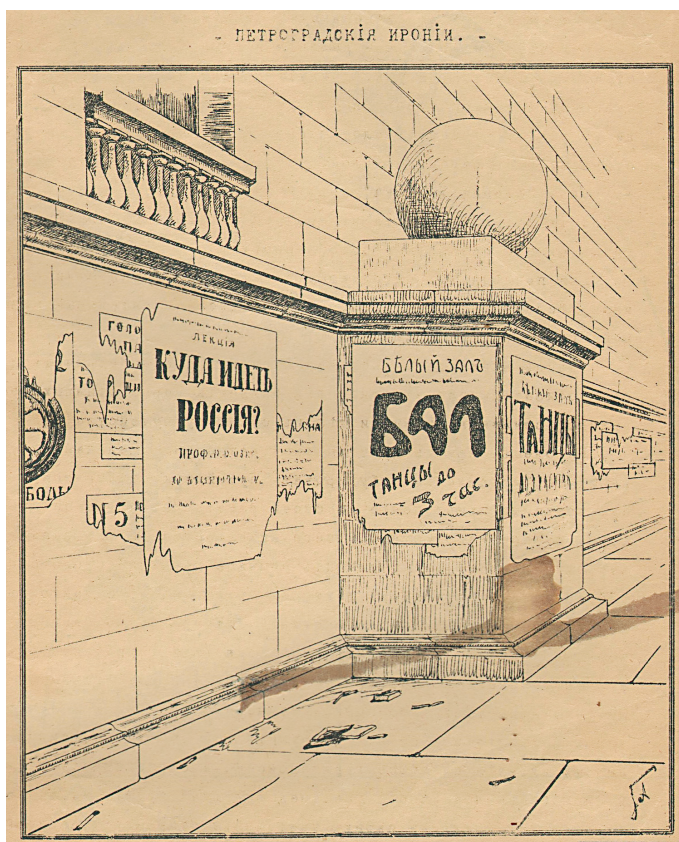

Рис. 7. Рисунок из литературного альманаха «Зеленая Лягушка», 1 мая 1918 г.

В приведенных юмористических фрагментах интонационно уже просматривается орнамент, которым был выписан образ булгаковского Шарикова, а позже вошедший в характеристики мифологизированной дефиниции *homo soveticus*.

Рост самоуважения в среде «низшего люда» отразила также ироничная публикация «Краткий справочник и толкователь некоторых терминов, употребительных в обиходе институтской жизни». Здесь, наряду с объяснением слов и словосочетаний, присутствующих во всякой студенческой жизни, встречаются и термины «на злобу дня»:

БРОКГАУЗ И ЭФРОН — словарь, пробелы которого восполняет теперь «Топор и якорь»; АВИАЦИОННАЯ НЕДЕЛЯ — неделя, устраиваемая в конце учебного года, когда студенты, не выполнившие учебной программы, вылетают из института; ВИКЖЕЛЬ — жаргон, обозначающий бутерброд с кетой и салом (намек на то, что на съезды профсоюза железнодорожников ходили с целью посещения буфета); ИЛЬЯ — швейцар общежития: за 1 рубль в месяц здоровается — сидя, за 2 — стоя, за 3 рубля — подает пальто; ПУТЕЕЦ — о, это марка! [Топор и якорь, № 12, с. 20–21].

В юмористическом разделе студенческого журнала, выходявшего на рубеже двух эпох, под заголовком «Из подслушанных разговоров» можно прочесть диалог, смысл которого впоследствии стал классикой диссидентского отношения к советской прессе:

...Чёрт бы их драл — эти газеты — противно читать!

...А Вы не читайте. Вот берите пример с меня — с октября ничего, кроме «Топора и Якоря», не читаю! [Там же, № 7, с. 19]

Ярко и выразительно публикации студенческого журнала демонстрируют изменения в настроениях, эмоциональном состоянии и ожиданиях, вызванные Октябрьским переворотом 1917 г. Если февральские дни были встречены восторженно, как «рождение Русской Свободы» и «светлый февральский подъем», то события осени вызвали «тусклое уныние и беспредельную горечь» [Там же, № 12, с. 1].

Февральская революция приветствовалась студентами так:

Тяжелая, беспросветно-темная пора прошла. Дни гнилой распутицы за плечами. Пришедшая могучая весна сейчас смывает своими дружными ручьями последнюю труху и гниль. Впереди расцветает светлая, молодая и прекрасная жизнь <...> Великая страна — страна открытого сердца, долготерпения и подвига, страна необъятного пространства... в два дня сделавшая Великую Революцию — эта страна сумеет выковать своей железной закаленной рукой судьбу, достойную ее [Там же, № 1, с. 3].

Совершенно иная эмоциональная и содержательная окраска у строчек, датированных январем 1918 г.: переживаемое время характеризуется авторами студенческого журнала как «страшная, поистине трагическая година... когда все святое затоптано в грязь, когда рушатся все идеалы... когда царствуют наглость, насилие и произвол и когда вся страна залита потоками братской крови» [Там же,

№ 7, с. 1]. Однако молодость дает о себе знать, и пафос надежды прорывается сквозь уныние и разочарование:

Как бы не было тяжело и безотраднo настоящее, не будем забывать, что оно происходит в условиях длящегося государственного переворота, в стране, раздавленной неслыханной тяжестью сорокамесячной войны. <...> Будем помнить: «чем ночь темней — тем ярче звезды», тем лучезарней золотая утренняя заря [Топор и якорь, № 7, с. 1].

Наивная вера звучит и в юбилейном, двенадцатом, последнем номере журнала, вышедшем в мае 1918 г.:

Мы пережили за этот год самое страшное и самое трагическое: мы были свидетелями гибели Родной Земли. <...> Кругом бесновались толпы пьяных рабов. <...> И над всеми и всем царил властно один бог, один идол: нажива. <...> А враг стоял у ворот. <...> Но верьте: из дыма пожаров, из бездны позора, из братоубийственной бойни, из нищеты и голода, — как Феникс из пепла, Россия выйдет свободной, могучей, великой [Там же, № 12, с. 1].

Попад в провал между эпохами, молодое поколение в лице студенчества, видимо, пока не осознавало необратимости происходящего.

Журнал «Топор и якорь», организованный в 1917–1918 гг. студентами-путейцами, учащимися Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I, строго говоря, не принадлежит к самиздату, именно поэтому термин, связанный с историей инакомыслия, используется здесь условно и закавычен в заглавии. В данном случае отсутствуют признаки, определяющие самиздат: нелегальность, запрет, неподцензурность и т. п. Напротив, журнал был принят и одобрен руководством вуза и всячески им поддерживался, в том числе и в финансовом плане. «Топор и якорь», скорее относится к самостоятельной периодике. Самиздатность его определяется лишь инициативой и добровольными усилиями тех, кто взял на себя труд посвятить свое время и творческие возможности запечатлению событий, очевидцами и участниками которых, волею судьбы, они стали. В явлении этой самостоятельной периодики сегодня можно увидеть такое качество, как историческую ответственность, осознанную поколением, оказавшимся на волне двух революций. Создатели журнала стремились сохранить на его страницах то, что они видели вокруг себя, отразить свое понимание происходящего, осознавая, что они присутствуют внутри событий огромного исторического масштаба. И в то же время, можно предположить, что среди авторов журнала мы видим в большинстве своем представителей поколения, «ушедшего» со сцены истории будущей советской России.

Источники

Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания / науч. ред. Н. В. Суржикова. М. : Полит. энциклопедия, 2015.

Топор и якорь. Журнал студентов-путейцев. 1917–1918 гг. // Объединенный музей писателей Урала. Ф. 120. Оп. 1. Д. 38.

Исследования

Воронин М. И., Воронина М. М. Зелёная лягушка. Из истории путейского института Петербурга // История Петербурга. 2001. № 3. С. 65–67.

Корнев Л. И. Забытые имена в истории Петербургского государственного университета путей сообщения // Изв. ПГУПС. 2009. № 4. С. 99–119.

Охочинский М. Н. Студенческие научные общества в области авиации и космонавтики (1910–1920-е годы) // Высшее образование в России. 2014. № 8–9. С. 141–146.

Смык А. Ф. От императорского инженерного училища к отраслевым транспортным институтам (1810–1930) // Вестн. МАДИ. 2014. Вып. 2 (37). С. 3–14.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017

Русина Юлия Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

Rusina, Yulia Anatolyevna

PhD (History), Associate Professor
Chair of the History of Russia
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: iulia.rusina@urfu.ru

FEBRUARY AND OCTOBER 1917 IN THE “SAMIZDAT” OF PETROGRAD STUDENTS

This article introduces a previously unpublished historical source, i.e. a self-published magazine of the students of the Emperor Alexander I Petrograd Institute of Transport Engineers which was published between 1917 and 1918. The informational diversity of this periodical and, as a result, its historical potential are determined by the time and place of its appearance and by its authors' knowledge. The magazine reflects the generational view on the events of the February and October Revolutions, the dynamics in the ideas and expectations of young people who found themselves in the centre of global historical changes. A scrupulous content analysis of twelve issues of the magazine demonstrates how the pre-revolutionary educational system was broken and new social values appeared which led to the well-known mythologisation of the *homo soveticus* notion. On the other hand, the periodical established by the students of the two revolution waves, portrays the social and cultural, emotional and psychological image of the generation, whose personal development coincided with the perishing of one empire and the emergence of another, this generation being “erased” from the pages of Soviet history. The term *Samizdat* regarding the magazine *Topor i Yakor'* (Eng. *Axe and Anchor*) is given in its relative meaning, that is why inverted commas are used in the title. In this case, the properties of Samizdat (illegality, lack of censorship) are absent. On the contrary, the magazine was approved by the administration of the institute and was supported financially and in many other ways. *Topor i Yakor'* is rather an amateur periodical, whereas its correlation with Samizdat can be identified only due to the initiative and the voluntary effort of its creators.

Keywords: February revolution of 1917; October revolution of 1917; student self-published periodical; Emperor Alexander I Petrograd Institute of Transport Engineers; historical sources.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* – Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) “‘Homo soveticus’ as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries”.

Korenev, L. I. (2009). Zabytye imena v istorii Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia [Forgotten Names in the History of Petersburg State Transport University]. *Izvestiia PGUPS*, 4, 99–119. (In Russian)

Okhochinsky, M. N. (2014). Studencheskie nauchnye obshchestva v oblasti aviatsii i kosmonavтики (1910–1920) [Student Academic Societies in the Field of Aviation and Cosmonautics (1910–1920)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 8–9, 141–146. (In Russian)

Smyk, A. F. (2014). Ot imperatorskogo inzhenernogo uchilishcha k otraslevym transportnym institutam (1810–1930) [From the Imperial Engineering School to Branch Transport Institutes (1810–1930)]. *Vestnik MADI*, 2 (37), 3–14. (In Russian)

Voronin, M. I., & Voronina, M. M. (2001). Zelenaiia liagushka. Iz istorii puteiskogo instituta Peterburga [The Green Frog. From the History of the Transport Institute of St Petersburg]. *Istoriia Peterburga*, 3, 65–67. (In Russian)

Received on 5 July, 2017